

Мусульманская "диаспора"

На прошедшей неделе министр внутренних дел Республики Татарстан **Артем Хохорин** сообщил, что "чистопольский джамаат" полностью ликвидирован, а 24 человека задержаны с обвинением по статье "Организация террористического сообщества". Это заявление прозвучало накануне второй годовщины со дня гибели

Валиуллы-хазрата Якупова

, которого не стало с нами 19 июля 2012 года. Оно словно подводит черту - будем надеяться, окончательную - под той темной полосой страха, которая целых два года отравляла общественную атмосферу в республике.

Валиулла-хазрат много лет своей жизни посвятил возрождению традиционного Ислама. Сам он в своих работах называл его пророческим, имея ввиду, что Ислам сохранился у татар в своем подлинном, неизменном виде со времен благословенного Пророка. Сохранность первоизданного Ислама у татар напоминает ситуацию, когда некоторые диаспоры, оказавшись на долгие годы вдали от своей исторической Родины, консервируют тот язык, на котором говорили их прадеды на момент своего переезда. Так, татары Китая или Австралии, живущие в этих странах не в первом поколении, по сей день говорят на языке времен Тукая и, в отличие от своих соплеменников в России, не примешивают в речь те русские слова, которые за 20-е столетие активно были заимствованы татарским языком. Многие из татар в дальних странах, кстати, не знают и кириллицу, а до сих пор пользуются, подобно своим прадедам, арабской графикой. В религиозном отношении российские татары в целом - это тоже своеобразная "диаспора" мусульманского мира, отрезанная от исторической Родины Ислама. По этой ли причине или, может быть, по какой-то другой, но Ислам, который веками исповедовал наш народ, был всегда максимально приближен к пророческому эталону, так сказать, был законсервирован в исходном виде. Вот почему Ислам у татар всегда носил миролюбивый характер.

О миролюбивости Ислама у татар или т.н. традиционном Исламе говорят сегодня многие. При этом мало кто задумывается о том, за счет чего подобное миролюбие становится возможным. Какие богословские идеи определяют подобную особенность в ментальности нашего народа? В день памяти Валиуллы-хазрата уместно поговорить об этом.

Великий имам

Как известно, основу традиционного Ислама составляет ханафитская правовая школа, эпонимом которой был великий исламский ученый имам Абу-Ханифа.

Этот ученый повлиял на развитие всей правовой культуры Ислама. Так, считается, что он разработал систематизацию мусульманского права, разбив его на те разделы, по которым шариат принято изучать и по сей день. В области канонического права, в отличие от сторонников богословского формализма, имам придерживался рационалистических методов, что необходимо знать для понимания особенностей традиционного Ислама.

Однако в контексте нашего вопроса гораздо важнее отметить другое. Имам оставил большой след также и в области вероучения, во многом определив развитие матуридистской богословской школы - второго важнейшего компонента в традиционном Исламе. К слову, принято считать, что именно с Абу -Ханифы начинается письменная традиция в исламском богословии, ибо к нему возводится самый первый труд, зафиксированный в данной области.

При всем нашем восхищении имамом Абу-Ханифой важно понимать, что он не был самостоятельным мыслителем и выступал не от своего имени. В своих работах он лишь излагал и упорядочивал пророческое наследие.

Оправдание братоубийства

Абу-Ханифа жил в непростое, смутное время. При его жизни аббасиды свергли правящую династию омейядов, что сопровождалось масштабным кровопролитием, сопоставимым с тем, которое творилось у нас в стране при падении Дома Романовых. Также при жизни имама его родной город Куфа был захвачен тогдашними сепаратистами во главе с Даххаком ибн Кайсом - в переводе на российские реалии - полевым командиром Хаттабом. И, наконец, Абу-Ханифа пережил два крупных шиитских восстания, вновь оказавшись в самом эпицентре кровавых событий. Все это оказало на него большое влияние и побуждало активно искать способы утверждения мира среди своих современников.

Не секрет, что политическая борьба в те времена велась с использованием религиозной риторики, что многократно множило приносимый ею ущерб. Для того, чтобы выбить почву из под ног своих оппонентов, радикалы, борющиеся за власть, поступали очень просто - объявляли их неверными. Объявить человека неверным в мусульманском средневековье - это то же самое, что признать его еретиком или ведьмой в инквизиторской Европе. И там, и там финал один и тот же: человек ставился вне закона, лишался гарантии неприкосновенности, и его в итоге ждала смерть.

Однако, как известно, благословенный Пророк осуждал братоубийственную войну. И для того, чтобы обойти данный запрет, радикалы разработали в качестве отправной точки для своих рассуждений трехчастное определение веры. "Вера, - учили они, - это внутреннее убеждение, словесное признание и должное деяние". Другими словами, для того, чтобы признать человека правоверным, ему необходимо заявить о своей убежденности и на словах, и на деле. Казалось бы, так оно и должно быть. Однако здесь есть скрытая, оборотная сторона "медали": если у человека нет одного из этих трех условий, в т.ч. и "должного деяния", то, стало быть, нет у него и веры, т.е. он

неверный. А что значит, нет "должного деяния"? Это значит, что человек грешит. А грешим, как известно, все мы без исключения. Таким образом, подобная богословская логика открывает возможность для обвинения в неверии абсолютно любого неугодного человека, любого политического или идейного противника, что в контексте средневековых реалий оправдывало его физическое устранение.

Определение веры и суд Бога

Имам Абу-Ханифа как никто другой понимал, что подобный ход рассуждений открывает путь к братоубиственной войне и потому в корне противоречит учению благословенного Пророка Мухаммада. Именно поэтому великий богослов Ислама придерживался двухсоставного определения веры, в котором не оговаривается "должное деяние" и которое является отражением исходного послания Св. Корана. Если человек уверовал и говорит о том, что он верующий, то мы обязаны принимать его как верующего, каким бы грешником он ни был. Именно так и поступал наш Пророк.

В качестве же альтернативы практике обвинения в неверии (такфир) Абу-Ханифа предложил совершенно противоположную идею оставления вердикта о внутреннем мире человека на суд Бога (ирджа). Даже в тех случаях, когда, казалось бы, есть все основания признать человека неверным, Абу-Ханифа призывал не делать этого. "Что вы скажете о человеке, - спросил как-то ученого один из его посетителей, - который говорит, что не надеется на рай и не боится ада, вкушает мертвечину, свидетельствует о том, чего не видит, не страшится Бога, молится без поясных и земных поклонов?" В ответ Абу-Ханифа назвал подобного человека "истинным угодником Божиим" и показал, как все перечисленные мнимые признаки неверия являются на самом деле свидетельством подлинного благочестия.

Абу-Ханифа всю свою жизнь настойчиво боролся за двухсоставное определение веры и даже под страхом смертной казни, когда радикалы захватили его родной город Куфу, отказался отречься от него и соответствующих выводов. Разграничение веры и деяния, борьба с практикой обвинения в неверии - центральная тема его трактатов "Учитель и ученик", "Упрощенное знание", "Послание Усману аль-Батти" и др. В этом вопросе он был более строг и принципиален, чем основатели других мазхабов («канонических толков»), считавших, что «должное деяние» можно включить в определение веры, однако не в качестве свидетельства ее наличия, а лишь как признак ее совершенства.

Зерно зла

Когда бандиты, извращающие исламские принципы, взрывают имамов и религиозных учителей в Дагестане, когда они расстреливают Валлиулла-хазрата Якупова и взрывают машину муфтия Татарстана, когда они закладывают бомбы в общественных местах - за всем этим стоит извращенная средневековая ментальность и радикальная логика трехсоставного определения веры. В их глазах, полных ненависти и злобы, все жертвы терактов - это неверные, ибо нет у них должного деяния, и, значит, нет и веры. А все неверные, по их мнению, подлежат истреблению.

Конечно же, само по себе определение веры еще не делает человека террористом. У террора есть много обуславливающих его факторов, от психологических до геополитических. Однако оно закладывает в мировоззрении человека то идейное зерно, которое потом может произрасти до катастрофических масштабов.

При этом современные радикалы, которые паразитируют на исламском идейном наследии и которых глобальные силы зла используют для развертывания террора против самих мусульман и против всего остального мира, прекрасно осознают, что без трехсоставного определения веры и объявлении людей неверными их действия полностью теряют легитимность в контексте исламского богословия. Вот почему заказчики террора делают все, чтобы внедрить эту отправную точку насилия в наши умы. И ради этой цели они не гнушаются никаких методов.

Приведу один лишь пример. На протяжении уже нескольких поколений у татар начальное обучение Св. Корану ведется по учебнику нашего известного богослова **Ахмадхади Максуди**

"Муаллим Сани". Я, кстати, тоже по нему научился читать Священную Книгу, когда впервые перешагнул порог воскресной школы. В этом учебнике несколько страниц посвящено вероучительным текстам. В начале 2000-х данный учебник активно переиздавался сектантами в Казани, которые появились в Татарстане благодаря зарубежным идеологическим эмиссарам. Казалось бы, зачем нашим идейным оппонентам содействовать распространению книг по традиционному Исламу? Ответ прост: им нужно было внедрить в религиозную ментальность татар трехсоставное определение веры, со всеми вытекающими из него последствиями. И с этой целью они цинично вписали данную формулировку в книгу Ахмадхади Максуди. Другими словами, радикалы не чураются подтасовкой мусульманского богословского наследия и искажения пророческого учения. Сложно в это поверить, но таковы реалии наших дней. Сегодня подделка распространилась настолько широко, что уже грозит вытеснить исходный оригинал.

Дело Валиуллы-хазрата

Двухсоставное определение веры и вытекающая из него идея о необходимости оставления наших религиозных разногласий на суд Бога, на мой взгляд, задали общую тональность той религиозной культуре, которая на протяжении многих столетий определяла ментальность татарского народа. В результате у нас сформировалось такое мышление, которое и позволяет выстраивать добрососедские отношения с людьми других взглядов. Зачем спорить, кто из нас правильнее исповедует веру, кто истинно верующий, а кто еретик? Все вопросы такого рода мы оставляем на Суд Бога: пусть Он Сам решит, кто был близок к Нему, а кто нет. Это не наша прерогатива. Мы же должны объединять свои усилия вокруг общих для всех проблем. Вот почему татары мирно уживаются с иноверием, в т.ч. и христианским.

Валилулла-хазрат погиб ровно два года назад. Каждый год мусульмане посещают его могилу. Сегодня в память о нем пройдет коранический маджлис в Апанаевской мечети, где он служил имам-хатыбом, а ко дню рождения хазрата в сентябре в стенах

исламского университета мы вновь проведем ежегодные Якуповские чтения. Все это важно для того, чтобы дело, которому Валиулла-хазрат посвятил все свои силы, продолжало жить.

От возрождения пророческого Ислама, сбереженного в недрах школы имама Абу-Ханифы, зависит не только духовное будущее татарского народа, но и судьба всего нашего Отечества.

Рустам Батров,

первый заместитель муфтия Республики Татарстан